

DOI: 10.30842/ielcp230690152408

Н. А. Бондарко

(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ НЕМЕЦКИХ ПЕРЕВОДАХ С ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА

(Вильгельм из Сен-Тьерри и Бригитта Шведская)¹

В статье рассматриваются теоретические подходы к изучению семантико-синтаксического варьирования как фактора развития стиля немецкой религиозной прозы. Данная проблема изучается в переводоведческом аспекте на примере переводов с церковной латыни XIV–XVI вв. В качестве материала используются примеры из переводов «Золотого Послания» Вильгельма из Сен-Тьерри (XII в.) на восточно-швабский диалект средневерхненемецкого и «Откровений» св. Бригитты Шведской на разные диалекты ранненововерхненемецкого языка.

Ключевые слова: средневерхненемецкий язык, языковое варьирование, перевод, эквивалентность, синтаксические трансформации, религиозная проза.

N. A. Bondarko

(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

Syntactic Transformations in Late Medieval German Translations from Latin (William of St-Thierry and St. Birgitta of Sweden)

The article deals with theoretical approaches to the study of syntactic and semantic variations as a formative factor of the developing style of German religious prose. This problem is examined within the context of the translation studies on the example of translations from Church Latin of the 14–16 centuries. Examples from the translations of the «Epistola aurea» of William of Saint-Thierry (12th century) into the Eastern Swabian dialect of Middle High German and the «Revelationes» of St. Birgitta of Sweden into different dialects of Early New High German are used as material.

Keywords: Middle High German, language variation, translation, equivalence, syntactic transformations, religious prose.

Знаменитый францисканский проповедник XIII в. Бертольд Регенсбургский в своей проповеди «Двенадцать рыцарей дьявола» („Von zwelf juncherren des tiuvels“, № 33) обратил внимание на то, что перевод латинских терминов (таких, как *stipendia*,

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 17-18-01624 «Перевод и языковая адаптация в литературных текстах средневековой Европы».

«вознаграждение») на немецкий язык требует больших усилий. Речь шла об аллегории, содержанием которой была военная практика, при которой рыцарь должен был обязательно получить награду за свои ратные труды. Бертольд замечает, что средневерхненемецкое слово *lôn* обозначает любую награду, а латинское *stipendium* — жалование солдата. В этом контексте проповедник сетует на сложности, с которыми он сталкивается не только при переводе с латинского языка, но и просто прибегая к немецкой речи. То, что на латыни выражено емко и точно, приходится излагать на немецком пространно и описательно:

‘Der lôn nâch den sünden ist der tô, aber diu gnâde gotes ist daz êwige leben.’ Alsô sprichet der guote sant Pauls in der heiligen episteln (*ad Rom.* 6, 23). Unde daz wort daz dâ sprichet stipendia, daz ist reht als vil gesprochen, reht also dâ ein ritter ehte wol gestriten hât, dem gît man daz lôn. Wan wir haben vil wort in der latîne, diu wir in tiutsche niemer ûz können gelegen wan mit gar vil umberede: wir sîn in latînischer sprâche gar rîche unde haben vil rede mit kurzen Worten begriffen, dâ man in tiutscher sprâche vil muoz gereden. Und alsô ist daz wort stipendia. Alsô welich ritter wol gestriten hât, dem gît man daz lôn; hât er aber zegelîchen gestriten, sô gît man im ouch daz lôn, daz dar umb er gebürt. (PS I: 520, 1–12).

«Возмездие за грех — смерть, а дар Божий — жизнь вечная». Так говорит добрый святой Павел в священных посланиях (Рим 6: 23). А слово, каковое здесь звучит как *stipendia*, — говорится всякий раз, когда какой-нибудь рыцарь славно сражался: ему дают вознаграждение [daz lôn]. Ибо есть у нас много слов в латинском языке, которые мы никогда не сможем изложить по-немецки иначе, нежели при посредстве предлинного пересказа: в латинском же языке мы весьма богаты и схватываем долгую речь короткими словами там, где в немецком языке приходится много говорить. Таково и слово *stipendia*. Так, когда какой-нибудь рыцарь хорошо сражался, ему дают награду; если же он сражался трусливо², то и награду дают ему такую, каковая ему за это причитается².

Перед авторами и переводчиками, писавшими на немецком языке Высокого и Позднего средневековья, стояла задача найти новые формы для таких тем, которые ранее были зарезервированы для латыни. Эти новые формы едва ли могли претендовать на терминологическую эквивалентность, когда немецкие авторы пытались создать соответствующие номинации с помо-

² Перевод мой – Н. Б. Анализ этого и близких по смыслу пассажей в проповедях Бертольда Регенбургского см. в: Müller 2003: 112–113.

щью либо довольно сложной техники словообразования³, либо описательных структур: в последнем случае как парафразы, так и определения не образуют фиксированных терминологических единиц. Для всей теологической терминологии, которая обнаруживается в этих текстах, применимы наблюдения, сделанные Г. Штеером относительно терминологии, служащей для передачи значений «благодати»: терминология перевода проигрывает «при переходе на немецкий язык, существующий в латинской понятной терминологии» и обычно предлагает для латинского термина «набор немецких понятий, которые все вместе пытаются исчерпать значимое содержание данного латинского термина» (Steer 1966: 195). Штеер противопоставляет латынь как язык науки (и в этом смысле язык искусственный) немецкому как «обиходному языку, пригодному для назидания и наставления в вере» (Там же).

Еще в 1956 году К. Ру смог заявить в своей революционной докторской диссертации, посвященной немецким переложениям трактатов францисканского теолога Бонавентуры: «Исключительное влияние латыни на словарный запас позднесредневековой литературной прозы становится очевидным, если попытаться рассматривать термины *sub specie latinitatis*. Оно прослеживается во всех возможных звеньях системы — от заимствованного слова <...> до едва уловимых отдельных нюансов значения и косвенных проявлений» (Ruh 1956: 90).

Особенно проблематичным остается влияние латинского языка в области немецкого синтаксиса. Это влияние не является бесспорным уже для древневерхненемецкого периода и должно быть дифференцировано в соответствии с отдельными явлениями (например, порядком слов в зависимом предложении, абсолютными конструкциями). Развитие средневерхненемецкой прозы во всем разнообразии ее жанров приводит к ее значительной независимости от латыни и влечет за собой богатую вариативность, «поскольку не существует обязательного языкового стандарта и, следовательно, открывается регионально обусловленное или же определяемое индивидуально пространство варьирования» (Grosse 1984: 1154).

---

³ О словообразовательных моделях на ранних этапах развития немецкого языка см. работы Н. Б. Пименовой: Pimenova 2013; 2013a; 2016.

В своем «Историческом синтаксисе немецкого языка»⁴ В. Г. Адмони дает обзор «стилевых черт, свойственных различным типам текста в средневерхненемецком языке и влияющих на синтактико-стилистическое оформление текстов» (Admoni 1990: 83). Особое внимание он обращает на духовные сочинения, имевшие, в основном, форму проповедей, — в том числе, писания мистиков:

«Устная презентация, особенно для необразованных людей, требовала определенной простоты синтаксических образований, преобладания паратаксической формы и относительно коротких предложений. Хотя некоторые проповедники были знакомы с основными элементами древней риторики, они использовали ее приемы лишь в ограниченной степени. На первом месте стоят такие стилистические приемы, как синтаксический параллелизм, эмпфаза посредством пролепсиса, перечисление, антитеза — то есть такие средства, которые, хотя и не исключали придаточных (особенно условных и относительных) предложений, были ориентированы прежде всего на паратаксис. [...] Что же касается светских прозаических произведений, появившихся в конце средневерхненемецкого периода, которые описывают общие вопросы мироустройства или касаются отдельных областей жизненной практики («учебники»), то это были отчасти переводы, однако они — так же как и оригинальные тексты — были адаптированы для необразованного читателя и слушателя, что также должно было приводить к упрощенному для восприятия построению речи — в том числе и к слишком коротким предложениям и к использованию лишь самых ярких стилистических приемов. Впрочем, и более сложные стилистические фигуры, — например, хиазм — могут быть весьма эффектными, не требуя запутанного синтаксиса» (Admoni 1990: 83).

Были ли, однако, позднесредневековые переводы прозы синтаксически настолько примитивными? Определение степени зависимости немецкого литературного языка от латыни и более тщательное изучение его независимости в широком спектре письменных памятников все еще относится к актуальным проблемам истории немецкого литературного языка позднего средневековья.

Как известно, в средневековой Европе стиль духовной прозы ориентировался на язык Вульгаты и латинских отцов церкви. Немецкий литературный язык развивался в значительной степени благодаря взаимодействию двух факторов: 1) устоявшейся латинской традиции, имевшей в своем распоряжении весь тер-

---

⁴ Речь идет только о переработанной немецкоязычной версии монографии: Admoni 1990.

минологический аппарат богословия и разнообразные клише, которые затем перешли в немецкие тексты; 2) рефлексии по поводу живого языка, носителями которого были не только сами авторы, но и неизвестные редакторы, составители и писцы.

Основными жанрами позднесредневековой немецкой духовной прозы являются духовно-назидательный и богословский трактат, проповедь для чтения (*Lesepredigt*), медитативная молитва и изречение; чрезвычайно популярны были также жития святых⁵. Переводы, переложения и компиляции латинских оригинальных текстов появляются в XIII в. и становятся массовой литературой в рукописных сборниках XIV–XVI вв. и в старопечатных изданиях. Четкую границу между переводом и вольным переложением провести не всегда просто. Если в VIII–XII веках язык переводных памятников носил отпечаток экспериментального поиска адекватных соответствий в синтаксисе и лексике, то начиная с XIII в. прослеживается тенденция к более свободному переложению латинских текстов религиозного содержания. Интенсивное лексико-синтаксическое варьирование свидетельствует о постепенном отходе (впрочем, далеко не полном) немецкого литературного языка от латинских синтактико-стилистических образцов⁶.

В сфере религиозной литературы эти процессы повлекли за собой перестройку жанровой системы. В частности, история развития немецкой проповеди показывает, что переход с церковного латинского языка на немецкий тесно связана с изменением жанровых параметров и структуры текста. Иллюстрацией этого положения являются немецкие проповеди, приписываемые средневековой рукописной традицией Бертольду Регенсбургскому. По своим стилистическим и жанровым особенностям эти тексты отличаются как от его латинских письменных проповедей, так и от живых устных проповедей на немецком языке. Если до середины XIII в. сборники духовных прозаических текстов на немецком языке составлялись, прежде

---

⁵ См. подробнее Schiewer 2011; там же основная литература по этой теме.

⁶ Подробнее о проблеме функционального соотношения латыни и немецкого языка в позднесредневековый период см., например: Gukhman, Semenyuk 1983: 74–75, 92 и сл.; Wolf 1987: 209–212; Brendel, Moser, Wolf 1993: 348–349; Gindele 1976; Koller 1998: 217–218; Hasebrink 1992; Henkel, Palmer 1992; Henkel 2004: 3176–3178 (см. также библиографию).

всего, в качестве вспомогательного материала, облегчавшего священникам подготовку публичных проповедей (Richter 1969: 212–213), то с расширением читательской аудитории создавались антологии для самостоятельного чтения, способствовавшего размышлению о духовном⁷.

Обращаясь к анализу языковых трансформаций, необходимо уточнить терминологическое значение понятий «варьирования»/«вариабельность» и «вариация» (*Variabilität, Variation*). В частности, К. Й. Маттайер предлагает следующее определение:

«“Вариабельность” охватывает ... без ограничения перспективы общее свойство языка, заключающееся в том, что связь между выражениями и их содержанием в обоих направлениях не всегда однозначна, что содержание может быть представлено несколькими выражениями и что одни и те же выражения могут передавать несколько смыслов. Термин «вариация» может в таком случае относиться к реализации изменчивости в рамках одного исторического языка или у одного говорящего. О «языковом варьировании» следует говорить в том случае, когда варьируется какой-либо лингвистический элемент или группа таких элементов» (Mattheier 1984: 769).

Синхронно ориентированное структурное описание варьирования языка в его функциональных, т. е. *синстратических, синтопических* и *синфазических* вариантах (см. Coseriu 1988: 285 и далее), представленных в позднесредневековых памятниках переводной духовной прозы, должно отвечать требованию однородности предмета исследования и расширять наши представления о начальной фазе развития немецкого литературного языка в области религиозной прозы. Нет смысла пытаться искать предпосылки формирования единой стилистической нормы, поскольку, как справедливо замечает Маттайер, «с точки зрения истории языка интересно не только то, что имеет значение как предшествование современным структурам, но и весь спектр языковых форм, вариантов языка, правил использования языка и стандартов его оценки, независимо от источника изменчивости» (Mattheier 1984: 777). Вместо этого следует ставить вопрос о контекстуальных ограничениях варьирования, т. е. о языковых константах и стереотипии.

В естественном языке (как системе, характеризующейся высокой вариативностью всех своих составляющих), трудно просчитываемый диапазон вариантов придает языку функциональ-

---

⁷ Некоторые итоги многолетней дискуссии по этому вопросу обобщены в работах Д. Нойендорф (Neuendorff 1994; 2000; 2006).

ную гибкость. Изменчивость является также одним из основных источников процессов исторического развития языка во всей совокупности его подсистем. Р. О. Jakobson распространяет принцип базовой инвариантности и дисперсии языка на отношения между лингвистическим кодом и различными субкодами как вариантами функционального языка, которые предполагают варьирование в соответствии со степенью эксплицитности лингвистических моделей, стилей и регистров (Jakobson 1985⁸: 381).

Описывая язык перевода, термин «трансформация» не следует понимать терминологически. Речь идет об установлении определенного соответствия между выражениями оригинала и перевода, замене одной формы выражения другой. Переводческие трансформации следует воспринимать не только как чисто лингвистические операции установления межъязыковых соответствий, но и как операции преобразования элементов внеязыкового смысла. Причинами таких трансформаций являются различия в отражении явлений внеязыкового мира, в структуре семантических полей, в комбинаторном потенциале языковых единиц и, наконец, стилистические факторы (см. Shveitser 1988: 123–144).

Другое базовое переводоведческое понятие — а именно, *эквивалентность*, — необходимо дифференцировать, чтобы использовать его в качестве эффективного аналитического инструмента. Так, В. Коллер уточняет типы эквивалентности по отношению к различным аспектам значения, которое следует сохранить при переводе. Он различает денотативную (коннотативную), коннотативную, текстовую, прагматическую и формальную (то есть воспроизведение художественно-эстетических и индивидуализирующих черт оригинала) эквивалентности (см. Koller 1983: 186–191). Во всяком случае, для немецкого языка позднесредневекового периода эквивалентность не следует понимать как нормативное понятие, как это принято в теории перевода, ориентированной на литературный язык с устоявшейся нормой: подход к изучению эквивалентности должен быть исключительно дескриптивным.

Синонимические высказывания в одном и том же либо в разных языках могут считаться эквивалентными только в отношении их смыслового (внеязыкового) содержания. Однако сред-

---

⁸ «Лингвистика в ее отношении к другим наукам» – русский перевод статьи Jakobson 1970.

ства их выражения всегда определяются различиями, которые свойственны значениям соответствующих языковых форм. В этом смысле эквивалентность *смысла* чаще всего не абсолютна, а лишь относительна. Впрочем, конкретный контекст способен нейтрализовать различия на уровне внешней структуры высказываний, если частичное варьирование номинации связано не с глубинными референциальными различиями, а всего лишь с игрой в сфере актуализации языковых значений. Так, например, атрибут в парных вариантах «существительное vs. атрибутивная субстантивная группа» может не указывать на дополнительный понятийный признак, а всего лишь эксплицировать одно из возможных значений слова (которое уже уточнено через ближайший контекст). Примером могут служить обозначения человека духовной жизни в различных версиях трактата «Семь ступеней молитвы» немецкого францисканца Давида Аугсбургского (конец XIII в.): «человек» (*der mensch*) — «духовный человек» (*der geistliche mensche*). Другой пример — обозначение Св. Писания: «слова/речь» (*diu wort*) — «слово Божье / Св. Писание» (*dú gottis wort*)⁹.

В качестве первого примера языкового варьирования в переводном тексте рассмотрим памятник, стоящий особняком в корпусе средневерхненемецкой францисканской прозы хотя бы уже потому, что он имеет цистерцианское происхождение, — а именно, латинский духовно-назидательный и мистико-богословский трактат 1144 г. «*Epistola ad fratres de Monte Dei*» («Послание к братии Мон-Дьё», далее — «Послание»)¹⁰, известный в средневековой традиции также как «*Epistola aurea*» («Золотое послание»). Автором трактата был цистерцианский монах Вильгельм из Сен-Тьерри (1085/90–1148/49). Около 1300 г. в Аугсбурге или его окрестностях был выполнен перевод с Монте-Кассинской редакции памятника¹¹ — он сохранился в двух южнонемецких списках начала XIV в.

⁹ См. подробнее: Bondarko 2003.

¹⁰ Средневерхненемецкий текст приводится здесь по изданию Ф. Хонемана 1978 г.; представленный в этом же издании латинский текст Монте-Кассинской редакции приводится Хонеманом по материалам Ж. Дешане (Déchanet 1975) — в дальнейшем он цитируется здесь как *Epistola*.

¹¹ Как было установлено Ф. Хонеманом, перевод был сделан с рукописи, принадлежавшей к Монте-Кассинской ветви рукописной традиции «Послания». Основной список восточношвабского перевода: Карлсруэ, Библиотека земли Баден (Badische Landesbibliothek), Cod. Donaueschingen 421. Подробное описание рукописи, в том числе и ее

Рассмотрим перевод пассажа из 138-й главы «Послания» (Epistola, 138: 342)¹²:

Sic enim prudens et Deo deditus animus, habere se debet in conscientia sua, sicut prudens paterfamilias in domo sua. Non **habeat**, sicut Salomon dicit, in domo sua mulierem litigiosam, **carnem suam; sed ad sobrietatem morigeratam et assuefactam ad oboedientiam** et ad laborem paratam ubique institutam, et esurire et saciari, et habundare et esuriem pati. **Habeat sensus exteriores, non duces sed servientes; interiores sobrios et efficaces. Habeat omnem omnino domum vel familiam cogitationum suarum, sic ordinatam et disciplinatam**, ut dicat huic: vade, et vadat; et alio: veni, et veniat; et servo suo, corpori suo: fac hoc et absque contradictione faciat.

Wan also sol sih der wis mvot, der mit got bekvmbert ist, halten in der gewizzen als ein hvswirt in sinem hvs. Er sol in sinem hvs kein kriegent frawen haben, daz ist sinen lip. **Sinen lip sol also meistern, daz er wol geordent si zaller maezikaet, daz er gevellik si zaller gehorsam**, daz er beraeit si zaller arbeit, daz er also gewent si, daz er hvnger vnd gebresten kvnne liden vnd avch gnvok haben, swenne ez daz zit vordert. Sin vzzer sinne sol er niht als sin herren haben, svnder als sin dienaer. **Sin inner sinne sol er also geriht haben**, daz si allezit mvnder vnd bereit sin ze geistlichen dingen. Allez **daz hvsge-sind siner gedank sol er also zvhtigen vnd orden** vnd im selben als ganzlih **vndertaenik machen**, swenne er sprech hinz dem vnnvtzen gedank: >gank hin!< daz er denne vf der stat gehorsam si, swenne er spreh hinz dem gvoten gedank: >genk her!< daz er denne zehant bereit si, swenne er spreh hinz sinem kneht, daz ist hinz sinem lib: >tve daz!< daz er im des gehorsam si an alle widerred.

Данный пассаж представляет собой парафразу и толкование Писания (Прит. 21:9 и Прит. 25:24; Фил. 4:12; Матф. 8:9 и Лук. 7:8) — наставление для человека духовной жизни. Он интересен дифференцированной стратегией перевода латинской конструкции V_{fin} (*habere*)_{praes.conj.act.} + [Obj]_{acc.} [Attr (part.perf.pass.)_{acc.}]]. Конструкция в целом имеет результивную семантику и относится к посессивному типу («глагол обладания + перфектно-пассивное причастие»). Обозначает она длящееся в момент говорения состояние, связанное с обладанием,

диалекта, выполнено Хонеманом — см.: Honemann 1978: 120–140 и сл. Семантико-синтаксические аспекты языка перевода и рассматривались мною в статьях: Bondarko 2007; 2008; 2012.

¹² Последующий разбор основан на работе Bondarko 2012.

подлежащее выступает в роли посессора¹³. В приведенном тексте «Золотого Послания» трижды повторяемый глагол *habere* употребляется в конъюнктиве и передает деонтическое модальное значение (юссив). Это дает переводчику основание переводить латинскую конструкцию каждый раз с использованием модального глагола *svln* («быть должным») — это общий компонент при переводе. Однако в способах организации семантической структуры зависимых от этого глагола инфинитивных клауз наблюдаются расхождения, отражающие две разные стратегии передачи зависимого от *habeat* прямого дополнения с причастным оборотом от этого глагола.

(1) *Sinen lip sol also meistern, daz er wol geordent si zaller maezikaeit, daz er gevellik si zaller gehorsam...*

«Тело свое должен [он] смирить таким образом, чтобы привести его в порядок для [достижения] всяческой умеренности, чтобы было оно готово к любому послушанию...»

В этом сложноподчиненном предложении с несколькими соподчиненными придаточными следствия объединены три конструкции с предикатами семантического комплекса, связанного с темой упорядочивания чьей-либо деятельности в контексте духовного воспитания монашествующих. В лингвистическом отношении речь идет о единой сложной конструкции, в которой первое элементарное (главное) предложение является постоянной, а два придаточных — зависимыми переменными. Активная конструкция *Sinen lip sol also meistern* («Тело свое он должен смирить таким образом...») является эквивалентом сочетания финитного глагола *habeat* с прямым дополнением, представленным одним лишь ядерным существительным, без зависимой от него атрибутивно-причастной группы. Стативная конструкция *daz er wol geordent si zaller maezikaeit* («чтобы было оно хорошо упорядочено для [достижения] всяческой умеренности») и атрибутивно-предикативная *daz er gevellik si zaller gehorsam* («чтобы было оно готово для любого послушания») эквивалентны самим причастным оборотам. Однако поскольку они, в отличие от латинской конструкции, представляют собой финитные клаузы, то в каждой них содержится подлежащее, выраженное местоимением, кореферентным прямому дополнению главного предложения (*er* → *sinen lip*).

¹³ На этой основе в поздней латыни развивается описательный перфект см.: Hoffmann 1972: 392, § 209c; Menge 2005: 188, § 137; 714, § 499; Maslov 1983: 47–48.

По сравнению с исходным вариантом, немецкий перевод получается не только более развернутым синтаксически, но и семантически избыточным, поскольку предикаты главного и зависимого предложения (*meistern* — *geordent si / gevellik si*) имеют общую сему «упорядочения». В ядерном виде (с устранением дополнительных коннотаций) данную семантическую структуру можно представить так: *X должен упорядочить Y-ка так, чтобы Y был упорядочен в определенном отношении.*

Сема «упорядочения» отчетливо выражена в ср.-в.-н. глаголе *meistern* в отличие от лат. *habeat*. При этом с выбором предиката иного семантико-синтаксического типа диатеза трансформируется из контентивной в активно-аккузативную¹⁴: подлежащее играет роль уже не посессора, а агенса, посессивное отношение смещается на периферийный уровень объектной именной группы (*sinen lip*).

Инфинитив *meistern* («управлять», «подчинять») является предикативным актантом модального глагола (оператора) *svln*: это семантически полноценный глагол, обозначающий действие упорядочения, контроля со стороны человека над собственным телом. В то же время, синтаксически факультативной, но семантически обязательной (для передачи исходного смысла латинской конструкции) оказывается характеристика выражаемого этим глаголом действия. В главном предложении такая корреляция формально обозначена лишь наречием *also* и раскрывается в зависящем от него придаточном следствия. Содержанием этого придаточного предложения является состояние объекта («тело»), наступившее в результате действия — управления, смирения, упорядочивания (*meistern*). Вместе с тем, в придаточном не просто описываются последствия этого действия, совершенного определенным образом (*also*): результирующее состояние является не только следствием, но и целью действия упорядочивания.

(2) *Allez daz hvsgesind siner gedank sol er also zvhrtigen vnd orden vnd im selben als ganzlih vndertaenik machen... daz...*

«Всю домашнюю прислугу мыслей своих должен он настолько вышколить и привести в порядок, а также и сделать настолько покорной самому себе (...), что...»

¹⁴ Используемую в настоящей работе классификацию диатез см. в: Krylov 2011; ср. также описание типологического подхода к определению понятия диатезы: Krylov 2004.

Здесь переводчик отказывается от передачи глагольной формы *habeat* с помощью конструкции с инфинитивом, наподобие *meistern*: он решает сократить это промежуточное звено между модальным оператором и клаузой с результативно-стативной семантикой упорядоченности объекта. В результате упрощается общая структура предложения, превращающегося из сложноподчиненного в простое, а также уходит семантическая избыточность, наблюдавшаяся в первом примере. Более того, это элементарное предложение оказывается ближе к соответствующему латинскому предложению в том отношении, что в обоих вариантах оно играет роль главного по отношению к последующему придаточному следствия. Ценой этого экономичного решения становится отказ не только от акцента на выражении посессивности в структуре предложения, но и от результативной семантики в зависимой клаузе. Если в латинском тексте мудрому человеку предписывается пребывать в таком состоянии, когда его мысли уже упорядочены, то в немецкой интерпретации ему надлежит осуществить само это упорядочение. Действия с этой семантикой выражены инфинитивными оборотами, зависимыми от модального глагола.

В связи с описанными стратегиями перевода латинской посессивно-результативной конструкции с перфектным пассивным причастием примечателен тот факт, что переводчик не пользуется возможностью передать посессивную семантику латинского *habere* при помощи сочетания претеритального причастия с *haben*. Правда, использование конструкции с перфектным инфинитивом после модальных глаголов грамматикализуется, начиная с середины XII в., в качестве средства выражения значения неосуществленного действия в прошлом (см. Paul/Klein/Solms/Wegera 2007: 293, § S 11). Данное обстоятельство, однако, не препятствует появлению этой конструкции в качестве эквивалента другой латинской конструкции — *habere* в сочетании с презентным активным причастием: Vfin (habere)_{praes.conj.act.} + [Obj_{acc.} [Attr (part.praes.act.)_{acc.}]]:

лат.: *Habeat sensus exteriores, non duces sed servientes; interiores sobrios et efficaces.*

«Пусть обращается с внешними чувствами не как с господами, но как со слугами; внутренние же [пусть держит] трезвыми и деятельными».

ср.-в.-н.: *Sin vzzer sinne sol er niht als sin herren **haben**, svnder als sin dienaer. Sin inner sinne sol er also geriht haben, daz si allezit mvnder vnd bereit sin ze geistlichen dingen.*

«Со своими внешними чувствами он должен обращаться не как со своими господами, а как со своими слугами. Своими внутренними чувствами он должен управлять так, чтобы они всегда были бодрыми и готовыми к духовным делам».

Здесь сочетание *gericht haben* с модальным глаголом *svln* в финитной форме следует трактовать как посессивно-результативную конструкцию. Переводчик добавляет отсутствующую в латинском оригинале семантику результативности, а также глагольную лексему со значением упорядоченности. Семантическая и грамматическая избыточность и тяжеловесность немецкого варианта усиливается в придаточном следствия, передающем лаконичные латинские прилагательные.

Причину выбора такой стратегии следует искать в стремлении к стилистическому варьированию. Дело в том, что первая часть латинского предложения переводится совершенно корректно, причем настолько точно и симметрично, насколько это вообще возможно, без добавлений и без потерь — при помощи простой конструкции $V_{fin} (svln)_{Präs.Ind.Akt.} + Obj_{Akk.} \leftarrow [Part.Prät. + haben]$. Таким образом, две близкие латинские конструкции с глаголом *habere* в форме юссивного конъюнктива, а также с активным и пассивным причастиями переводятся каждая двумя разными способами. В результате переводчик достигает чередования четырех конструкций, близких по смыслу и объединенных общим ядром «*er + sol*», однако существенно отличающихся друг от друга синтаксическим оформлением предикатных актантов и зависимых клауз. Лексические особенности латинских и немецких слов также дополняют синтаксические различия целым рядом семантических нюансов.

В качестве второго примера анализа языковых трансформаций при переводе сравним два разных перевода отрывка из краткого жития св. Бригитты Шведской на ранненововерхне-немецкий язык, выполненные почти одновременно (ок. 1500–1502 гг.). Латинский текст входил в состав буллы папы Бонифация IX о канонизации (*Bulla canonisationis „Ab origine mundi“* 7 октября 1391 г.) св. Бригитты (*Bullarium Romanum*, 618b–619a, § 11–15). Первый из переводов выполнен на тюрингский диалект предположительно в Эрфурте и сохранился в единственной рукописи из собрания Российской национальной библиотеки Ф. 955 оп. 2 № 57. Второй перевод был выполнен на восточношвабском диалекте по заказу имперского рыцаря Флориана Вальдауфа фон Вальденштейна, протонотария импе-

ратора Максимилиана, и был издан в 1502 г. в Нюрнберге Антоном Кобергером¹⁵.

Среди многочисленных примеров языковой асимметрии в обоих переводах обращают на себя внимание случаи синонимической замены группы сказуемого с изменением валентностной структуры предиката и частичной трансформацией смысла. Серьезное изменение предикатной структуры представлено в следующем примере:

E (РНБ, Ф.955 оп. 2 № 57)	N (Anton Koberger; Nürnberg 1502)
<p>§ 11. Haec nempe mulier gloriosa ex patre Birghero et matre Sighride coniugibus de nobilissima regia stirpe catholicorum Sveciae regum procedentibus, nec minus fide orthodoxa et animi constantia, ac virtutibus, quam nobilitate claris duxit originem.</p> <p>Ведь сия славная дева вела происхождение от отца Биргера и матери Сигриды — супругов, из благороднейшего королевского рода католических королей Швеции происходящих, — верой праведной и постоянством духовным, равно как и добродетелями не менее, чем и благородством чистым.</p>	
<p>(15vb) Das hochwirdige weib die heilige Brigitta aus irem vater Birgero vunde mütter Sighirde eeliche cristliche personen von eynem aller edelistenn cristlichenn stamme in dem reiche Schweden ist entsrungen vnde gebornn.</p>	<p>(6v) Wann dife hoch wirdige fraw vom vatter Birghero vnd von der muter Sighride eegemehehn von dem alleredlisten kuenigklichem stamm der cristenlichen künig zu Sweden herkomen / auch in cristenlichem glauben vnd in stetikeit ires gemüts auch tugenden vnnnd adelkeit gar lauter hat herpracht iren vrsprung /</p>

В тюрингском переводе E оба однородных сказуемых *ist entsrungen vnde gebornn* («произошла и родилась») относятся к подлежащему *Das hochwirdige weib* («предостойная жена»), то есть целиком к самой Бригитте. В латинском оригинале смысловым эквивалентом перфектной формы глагола *ist entsprungem* является причастие *procedentibus*, которое относится не к Бригитте, а к ее родителям — *Birghero et matre Sighride coniugibus* (косвенное дополнение). Эта трансформация связана с сокращением предложения, а именно, с пропуском обстоятельственной предложной группы *nec minus fide orthodoxa et animi constantia, ac virtutibus, quam nobilitate claris*. В качестве компенсации вводится синонимичный глагол — однородное сказуемое (в форме причастия прошедшего времени) в стя-

¹⁵ См. подробнее: Bondarko 2018.

женной перфектной конструкции: *ist entsprungen vnde gebornn* («произошла и родилась»). Напротив, в швабском переводе, изданном Кобергером, латинское предложение переведено полностью и без смысловых расхождений.

Помимо лексической синонимии, в переводах обнаруживаются следующие явления:

- 1) пропуски и вставки слов и словосочетаний;
- 2) лексико-синтаксические трансформации на уровне словосочетания (например, перестановка компонентов, влекущая за собой изменения в структурной схеме словосочетаний);
- 3) частеречная замена, в том числе, с использованием синонимичных слов;
- 4) трансформации в группе сказуемого, сопровождаемые изменением валентностной структуры предиката или диатезы, а также аналогичные замены в непредикатных структурах;
- 5) синтаксическое варьирование на уровне простого и сложного предложения, связанное с заменой или устранением коннекторов, а также — с трансформацией предикатной структуры.

Более подробный сопоставительный анализ нюрнбергского и эрфуртского переводов жития св. Бригитты позволяет выявить базовые различия переводческих стратегий, прослеживаемые по всем отмеченным параметрам с минимальными исключениями. Если переводчик текста, опубликованного Кобергером, стремится к максимальной точности и предпочитает пословный перевод (иногда даже в ущерб общему смыслу высказывания), то автор перевода из эрфуртской рукописи обращается с исходным текстом гораздо более вольно, не боясь вносить дополнения или сокращать элементы текста, и обычно предлагает варианты, не привязанные к латинским синтаксическим схемам.

Итак, языковое варьирование вызывает изменения в переводном тексте, сохраняя при этом информативное ядро оригинала. При всей мнимой незначительности таких микротрансформаций, они в некоторых случаях приобретают большое значение для изучения стратегий редактирования текста, используемых средневековыми авторами и редакторами, с одной стороны, и творческих возможностей средне- и ранненововерхне-немецкого языка во время формирования стилистических образцов — с другой. Изменение грамматической формы слова иногда может неожиданно открыть новые возможности для толкования всего высказывания. Чаще, однако, встречается

противоположная ситуация: использование новых эпитетов, тропов и фигур речи, а также столь популярная в Средние века амплификация, практически оставляют неизменным смысл оригинального текста.

Литература

Источники:

Ркп. Е — РНБ, Ф.955 оп. 2 № 57.

Bullarium Romanum. Bullarum, diplomatum et privilegiorum sanctorum Romanorum Pontificum Taurinensis editio: locupletior facta collectione novissima plurium brevium, epistolarum, decretorum actorumque S. Sedis a S. Leone Magno usque ad praesens cura et studio R.P.D. Aloysii Tomassetti ...auspicante ... S.R.E. cardinali Francisco Gaude. T. IV. Augustae Taurinorum 1859. P. 616–624.

Das buch der Himlischen offenbarung der heiligen wittiben Birgitte von dem kunigreich Sweden. Hrsg. Von Florian Waldauf von Waldstein. Nürnberg: Anton Koberger, 1502.

Déchanet, J. 1975: *Guillaume de Saint-Thierry: Lettre aux Frères du Mont-Dieu (Lettre d'or)*. Introduction, text critique, traduction et notes. Paris (= Sources chrétiennes 223).

Epistola — Honemann V. Die *Epistola ad fratres de Monte Dei* des Wilhelm von Saint-Thierry. Lateinische Überlieferung und mittelalterliche Übersetzungen. München 1978 (= Münchener Texte und Untersuchungen 61). S. 288–413.

Honemann V. Die *Epistola ad fratres de Monte Dei* des Wilhelm von Saint-Thierry. Lateinische Überlieferung und mittelalterliche Übersetzungen. München 1978 (= Münchener Texte und Untersuchungen 61). S. 1–218.

PS I — Pfeiffer Fr. Berthold von Regensburg. Vollständige Ausgabe seiner deutschen Predigten. Bd. I. Wien, 1862.

Научно-исследовательская и справочная литература:

Admoni, W. 1990: *Historische Syntax des Deutschen*. Tübingen.

Betten, A. 1987: *Gründzüge der Prosasyntax. Stilprägende Entwicklungen vom Althochdeutschen zum Neuhochdeutschen*. Tübingen.

Bondarko, N. A. 2003: Aspekte der sprachlichen Variierung im mittellateinischen Traktat ‚*Septem gradus orationis*‘ Davids von Augsburg und seinen mittelhochdeutschen Übersetzungen. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. 1. Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., 279–313.

Bondarko, N. A. 2007: Die sprachlichen Erscheinungsformen der deontischen Modalität in der *Epistola ad fratres de Monte Dei* Wilhelms von Saint-Thierry und in deren mittelhochdeutschen Übertragung. In: *Probleme der historischen deutschen Syntax unter besonderer Berücksichtigung ihrer Textsortengebundenheit*. Akten zum Internationalen Kongress an der Freien Universität Berlin 29. Juni bis 3. Juli 2005. Hg. von Franz Simmler und Claudia Wich-Reif. Berlin, 151–195.

- Bondarko, N. A. 2008: [*Quaeris quid agas, in quo te occupes?* The deontic modality in “Epistola ad fratres de Monte Dei” William’s of Saint-Thierry (Latin and Middle High German versions)]. *Indoeuropeiskoe vazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 12, 34–48.
- Бондарко, Н. А. 2008: *Quaeris quid agas, in quo te occupes?* Модальность долженствования в «Послании к братии Мон-Дьё» Вильгельма из Сен-Тьерри (латинская и средневерхне-немецкая редакции). *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 12, 34–48.
- Bondarko, N. A. 2012: [Syntactic and semantic asymmetry in Latin version of the “Epistola ad fratres de Monte Dei” William’s of Saint-Thierry and in its Middle High German translation]. In: *Varietas delectans. Sbornik statey k 70-letiyu N. L. Sukhacheva* [*Varietas delectans. Essays in honour of N. L. Sukhachev: Celebrating His 70th Birthday*]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 48–49.
- Бондарко, Н. А. 2012. Синтаксическая и семантическая асимметрия в латинском «Послании к братии Мон-Дьё» Вильгельма из Сен-Тьерри и его средневерхненемецком переводе. В сб.: *Varietas delectans. Сборник статей к 70-летию Н.Л. Сухачева*. СПб.: Нестор-История, 48–89.
- Bondarko, N. A. 2018: [Translations and adaptations of St. Birgitta of Sweden’s “Revelationes” in later medieval Germany: a statement of the problem]. *Indoeuropeiskoe vazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 22, 182–197.
- Бондарко, Н. А. 2018: Переводы и адаптации «Откровений» Бригитты Шведской в позднесредневековой Германии: постановка проблемы. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 22, 182–197.
- Brendel, B., Moser, St., Wolf, N. R. 1993: Sprachliche Strukturen als Wissensträger. In: Brunner, H., Wolf, N. R. (Hgg.). *Wissensliteratur im Mittelalter und in der frühen Neuzeit. Bedingungen, Typen, Publikum, Sprache*. Wiesbaden, 347–369. (= *Wissensliteratur im Mittelalter*; 13)
- Coseriu, E. 1988: *Einführung in die Allgemeine Sprachwissenschaft*. [Nach d. Ms. D. Autors aus d. Span. übers. Von M. Hübner ...]. Tübingen.
- Gindele, H. 1976: *Lateinische Scholastik und deutsche Sprache. Wortgeographische Untersuchungen zur mittelhochdeutschen Thomas-Überlieferung* (Hs. HB III 32, Landesbibliothek Stuttgart). I. Teil: *Lehnbildungen im Bereich der Gotteslehre*. München (= Münchener Germanistische Beiträge 22).
- Grosse, S. 1984: Syntax des Mittelhochdeutschen. In: *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*. Hrsg. v. W. Besch, O. Reichmann, St. Sonderegger. Bd. 2. Berlin; New York. S. 1153–1159.
- Gukhman, M. M., Semenyuk, N. N. 1983: [*The history of German literature language of the IX–XV centuries*]. Moscow: Nauka.
- Гухман М. М., Семенюк Н. Н. 1983: *История немецкого литературного языка IX–XV вв.* М.: Наука.

- Hasebrink B. 1992: Grenzverschiebung. Zu Kongruenz und Differenz von Latein und Deutsch bei Meister Eckhart. In: *Zeitschrift für deutsches Altertum* 4, 369–398.
- Henkel, N. 2004: *Lateinisch/Deutsch Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*. 2., vollständig neu bearb. und erweit. Aufl. hg. von W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, St. Sonderegger. — Teilbd. 4. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 3171–3182. (= Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 2).
- Henkel, N., Palmer, N. F. (Hrsg.) 1992: *Latein und Volkssprache im deutschen Mittelalter 1100–1500: Regensburger Colloquium 1988*. Tübingen.
- Hofmann, J. B. 1972: *Lateinische Syntax und Stilistik*. Neubearb. v. A. Szantyr. München.
- Honemann, V. 1978: Die *Epistola ad fratres de Monte Dei* des Wilhelm von Saint-Thierry. Lateinische Überlieferung und mittelalterliche Übersetzungen. München (= Münchener Texte und Untersuchungen 61).
- Jakobson, R. 1970: Linguistics in its relation to other sciences. In: *Main trends of research in the social and human sciences*. Part 1: *Social sciences*. Paris; The Hague, 419–463.
- Jacobson, R. O. 1985: [Linguistics in its relation to other sciences. Transl. from English by N. I. Pertsova]. In: Jacobson, R. O. 1985: *Izbrannye raboty [Selected Studies]*. Moscow: Progress, 369–420. Якобсон, Р. О. 1985: Лингвистика в ее отношении к другим наукам. Пер. с англ. Н. И. Перцовой. В сб.: Якобсон, Р. О. *Избранные работы*. М.: Прогресс, 369–420.
- Koller, W. 1983: *Einführung in die Übersetzungswissenschaft*. 2. Ausg. Heidelberg.
- Krylov, S. A. 2004: [Diathesis and related concepts: some considerations about their relationship]. In: *Tipologicheskiye obosnovaniya v grammatike: K 70-letiyu prof. V. S. Khrakovskogo*. Otv. Red. S. Yu. Dmitrenko. [Typological justifications in grammar: to the 70th anniversary of prof. V. S. Khrakovskiy. Ed. By S. Yu. Dmitrenko]. Moscow: Znak, 259–267. Крылов, С. А. 2004: Диатеза и смежные понятия: некоторые соображения об их соотношении. В сб.: *Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В.С. Храковского*. Оtv. ред. С.Ю. Дмитренко. М.: Знак, 259–267.
- Krylov, S. A. 2011: [Types of diatheses in Russian]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii [Russian Language and Linguistic Theory]* 1 (21), 47–76. Крылов, С. А. 2011: Типы диатез в русском языке. *Русский язык в научном освещении*, № 1 (21), 47–76.
- Maslov, Yu. S. 1983: [Resultativ, Perfect and verbal Aspect]. In: *Tipologiya rezul'tativnykh konstrukciy (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)*. Otv. Red. V. P. Nedyalkov [The typology of resultativ constructions (Resultativ, Stativ, Passiv and verbal Aspect)]. Ed. By V. P. Nedyalkov]. Leningrad: Nauka, 54–65.

- Маслов, Ю. С. 1982: Результатив, перфект и глагольный вид. В сб.: *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*. Отв. ред. В.П. Неделков. Л.: Наука, 54–65.
- Mattheier, K. 1984: Allgemeine Aspekte einer Theorie des Sprachwandels. In: *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*. Hrsg. v. W. Besch, O. Reichmann, St. Sonderegger. Bd. 1. Berlin; New York, 720–730.
- Menge, H. 2005: *Handbuch der lateinischen Syntax und Semantik*. Völlig neu bearb. von Th. Burkard u. M. Schauer. 4. Aufl. Darmstadt.
- Müller, D. 2003: *Gesellschaft und Individuum um 1300 in volkssprachlicher franziskanischer Prosa*. Diss. Phil. Köln, 2003; <http://kups.ub.uni-koeln.de/volltexte/2005/1487/>.
- Neuendorff, D. 1994: *Bruoder Berthold spricht?* Textgeschichtliche Untersuchungen zu Predigten Bertholds von Regensburg. Teil 1: Untersuchungsteil. Oulu: Universität Oulu.
- Neuendorff, D. 2000: *Bruoder Berthold spricht* — aber spricht er wirklich?. *Neuphilologische Mitteilungen* 101, 301–312.
- Neuendorff, D. 2006: Si vis exponere, hoc fac. Zu deutschen Berthold von Regensburg zugeschriebenen deutschen Predigten und ihren lateinischen Vorlagen. *Neuphilologische Mitteilungen* 107. S. 347–360.
- Palmer, N. F., Schiewer H.-J. 2003: Literarische Topographie des deutschsprachigen Südwestens im 14. Jahrhundert. *Zeitschrift für deutsche Philologie* 122, Sonderheft (2003), 178–202.
- Paul/Klein/Solms/Wegera 2007 — Paul H. *Mittelhochdeutsche Grammatik*. 25. Aufl., neu bearbeitet von Th. Klein, H.-J. Solms u. K.-P. Wegera. Mit einer Syntax von I. Schröbler, neu bearb. und erw. von H.-P. Prell. Tübingen, 2007.
- Pimenova, N. B. 2013: [Change of productive models of abstract nouns in the Middle High German and Old High German languages: Retrospection and reconstruction]. *Indoeuropeiskoe vazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 17, 717–727.
- Пименова, Н. Б. 2013: Смена продуктивных моделей отвлеченных имен в средневерхненемецком и древневерхненемецком языке: ретроспекция и реконструкция. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 17, 717–727.
- Pimenova, N. B. 2013a: [Derivational Metaphors as a Specific Phenomenon in the Functioning of Abstract Nouns (based on the materials of medieval German)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology]* 2, 48–55.
- Пименова, Н. Б. 2013: Деривационная метафорика как особое явление в функционировании отвлеченных имен (на материале немецкого языка Средневековья). *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология* 2, 48–55.
- Pimenova, N. 2016: Metaphorische Kontexte und die Distribution der ‚heit‘-Nomina im Alt- und Mittelhochdeutschen. *Sprachwissenschaft* 41 (1), 1–30.

- Richter, D. 1969: *Die deutsche Überlieferung der Predigten Bertholds von Regensburg*. München: Verlag C.H. Beck.
- Ruh, K. 1956: *Bonaventura deutsch. Ein Beitrag zur deutschen Franziskaner-Mystik und -Scholastik*. Bern.
- Schiewer, R. 2011: Das geistliche Schrifttum von den Anfängen bis zum Beginn des 14. Jahrhunderts. In: *Deutsches Literatur-Lexikon. Das Mittelalter: [Autoren und Werke nach Themenkreisen und Gattungen] / hrsg. von W. Achnitz. Bd. 1: Das geistliche Schrifttum von den Anfängen bis zum Beginn des 14. Jahrhunderts*. Berlin; New York: De Gruyter, X–XXIII.
- Shveitser, A. D. 1988: [*Theory of Translation: Status, Problems, Aspects*]. Moscow: Nauka.
- Швейцер, А. Д. 1988: *Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты*. М.: Наука
- Steer, G. 1996: *Scholastische Gnadenlehre in mittelhochdeutscher Sprache*. München: Beck (= Münchener Texte und Untersuchungen zur deutschen Literatur des Mittelalters 14).
- Wolf, N. R. 1987: Probleme wissensliterarischer Kommunikation. In: *Wissensorganisierende und wissensvermittelnde Literatur im Mittelalter. Perspektiven ihrer Erforschung. Kolloquium 5.–7. Dezember 1985*. Hg. von N. R. Wolf. Wiesbaden: Reichert, 209–220. (= Wissensliteratur im Mittelalter 1).